

РУССКИЙ ЯЗЫК В ВУЗАХ

RUSSIAN LANGUAGE IN INSTITUTIONS OF HIGHER EDUCATION

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2025-86-6-60-73>

УДК 811.161.1:808.5:378

Историко-лингвистический компонент в курсе русского языка как средство диалога культур (на материале «Хожения за три моря» Афанасия Никитина)

Наталия Евгеньевна Петрова¹, Галина Савельевна Самойлова²

^{1,2} Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, г. Нижний Новгород, Россия

¹ petrova_ngpu@mail.ru, <http://doi.org/0000-0002-1302-9019>

² galasam2010@yandex.ru, <http://doi.org/0000-0002-1110-6930>

Аннотация. Формирование способности к пониманию чужой культуры является одной из важных задач преподавания русского языка как родного и как иностранного. Авторы ставят целью показать возможности решения этой задачи через обращение к древнерусским текстам, в которых отражаются исконные аксиологические установки народа. Особенно благоприятную почву для этого создает текст «Хожение за три моря» Афанасия Никитина, являющийся актуальным объектом исследования современных гуманитарных наук. В статье выделяются особенности содержания и языка этого произведения, на которые следует обратить особое внимание в связи с указанным целеполаганием. В ходе исследования были использованы методы наблюдения, исторического комментария, сравнительно-сопоставительного и контекстуального анализа. «Хожение за три моря» рассматривается как образец текста народно-литературного типа, носящий поликультурный и полиязычный характер. Данные характеристики текста выражаются через взаимодействие лексических единиц, обозначающих реалии «своего» и «чужого» мира; сравнительно-сопоставительные конструкции; лексико-семантические группы топонимов и антропонимов; номинации православных праздников как средства исчисления времени; иноязычные вкрапления в древнерусский текст. Особое внимание уделяется образу автора-повествователя, отмечается его языковая этичность – внутреннее языковое чутье, определяющее стиль произведения и отражающее духовную культуру личности. Подчеркивается религиозная терпимость автора-повествователя, который, сохранив верность православию, выражает идею единого Бога людей разных культур. Выявляется образовательный потенциал текста, который может быть использован как интегративный дидактический материал. Предлагаются такие формы работы с переводным и оригинальным текстами, как историко-лингвистический комментарий, работа с этимологическими и историческими словарями для установления родственных и неродственных связей между языковыми единицами, используемыми в «Хожении...», анализ ономастической лексики с целью формирования и углубления страноведческой и лингвокультурной компетенций. Сделан вывод о том, что работа с историко-лингвистическим материалом может способствовать взаимопониманию представителей разных культур и укреплению исторической памяти молодых носителей русского языка.

Ключевые слова: межкультурный диалог, древнерусский текст, Афанасий Никитин, история русского языка, полиязычность, поликультурность, языковое образование

Источник финансирования. Публикация подготовлена в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации № 073-00056-25-00 на выполнение в 2025 г. научно-исследовательской работы по теме «Исследование проблем межкультурного диалога России и Индии с целью продвижения ценностей российского образования».

Для цитирования: Петрова Н. Е., Самойлова Г. С. Историко-лингвистический компонент в курсе русского языка как средство диалога культур (на материале «Хожения за три моря» Афанасия Никитина) // Русский язык в школе. 2025. Т. 86, № 6. С. 60–73. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2025-86-6-60-73>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Historical and linguistic component in the Russian language course as a means of dialogue of cultures (based on the material of Afanasy Nikitin's "Journey Beyond Three Seas")

Natalia E. Petrova¹, Galina S. Samoilova²

^{1,2} Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after K. Minin, Nizhny Novgorod, Russia

¹ petrova_ngpu@mail.ru, <http://doi.org/0000-0002-1302-9019>

² galasam2010@yandex.ru, <http://doi.org/0000-0002-1110-6930>

Abstract. The development of the ability to understand a foreign culture is one of the important tasks of teaching Russian as a native and a foreign language. The authors aim to show the possibilities of solving this problem by referring to Old Russian texts that reflect the original axiological attitudes of the people. Particularly favorable ground for this is created by the text of Afanasy Nikitin's "Journey Beyond Three Seas", which is a relevant object of research in modern humanities. The article highlights the features of the content and language of this work, which should be given special attention in connection with the specified goal-setting. The study used the methods of observation, historical commentary, comparative and contrastive and contextual analysis. "Journey Beyond Three Seas" is considered as an example of a folk literary text of a multicultural and multilingual nature. These characteristics of the text are expressed through the interaction of lexical units denoting the realities of "one's own" and "foreign" world; comparative and contrastive constructions; lexical and semantic groups of toponyms and anthroponyms; nominations of Orthodox holidays as a means of calculating time; foreign-language inclusions in the Old Russian text. Particular attention is paid to the image of the author-narrator, his linguistic ethics is noted – an internal linguistic sense that determines the style of the work and reflects the spiritual culture of the individual. The religious tolerance of the author-narrator is emphasized, who, while remaining faithful to Orthodoxy, expresses the idea of the one God of people of different cultures. The educational potential of the text is revealed, which can be used as an integrative didactic material. The following forms of work with the translated and original text are proposed: historical and linguistic commentary, work with etymological and historical dictionaries to establish related and unrelated connections between the language units used in "Journey Beyond Three Seas", analysis of onomastic vocabulary in order to form and deepen regional studies and linguacultural competencies. It is concluded that working with historical and linguistic material can promote mutual understanding between representatives of different cultures and strengthen the historical memory of young native speakers of Russian.

Keywords: intercultural dialogue, Old Russian text, Afanasy Nikitin, history of the Russian language, multilingualism, multiculturalism, language education

Funding source. The publication was prepared within the framework of the state assignment of the Ministry of Education of the Russian Federation No. 073-00056-25-00 for the implementation in 2025 of research work on the topic "Study of the problems of intercultural dialogue between Russia and India in order to promote the values of Russian education".

For citation: Petrova N. E., Samoilova G. S. Historical and linguistic component in the Russian language course as a means of dialogue of cultures (based on the material of Afanasy Nikitin's "Journey Beyond Three Seas"). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school.* 2025;86(6):60–73. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2025-86-6-60-73>.

Введение. Идея взаимопонимания разных социальных культур приобретает особенную актуальность и важность в условиях глобального политico-экономического и культурно-информационного пространства. Существование в этом едином пространстве

«своего» и «чужого» заставляет людей, с одной стороны, расширять границы «своего» за счет интеграции «чужого», а с другой – провоцирует межнациональные конфликты и стремление агрессивно защищать «свое». Угроза таких конфликтов требует

от ученых нового осмысления нравственных основ социальной жизни в современном мире.

Рассуждая о проблемах современной международной коммуникации, исследователи используют термин *межкультурная терпимость*. Под ним, согласно комментарию Т. И. Зайцевой, понимают «некий принцип, который призван сохранять баланс в обществе, содействовать гармонизации социального пространства, создавать возможности для коммуникации и сотрудничества людей, принадлежащих к разным народам, этносам, группам, культурам, религиям, мировоззрениям, убеждениям» [Зайцева 2022: 334]. Сутью же этого принципа, как далее пишет автор, является терпимость «к инаковости как таковой» [Там же]. Именно слово *терпимость* использует С. Г. Тер-Минасова, чтобы подчеркнуть сложности человеческого и, в частности, международного общения: «...как никогда остро всталась проблема воспитания **терпимости к чужим культурам**, пробуждения интереса и уважения к ним, преодоления в себе чувства раздражения от избыточности, недостаточности или просто непохожести чужих культур» [Тер-Минасова 2008: 9]. Таким образом, выражение *межкультурная терпимость* очень точно отражает представление об определенном свойстве личности, которое можно описать как способность проявлять интерес к чужой культуре, готовность понять чужие и даже в определенной степени чуждые ценностные установки, а также – что очень важно – готовность скорректировать свои оценки и линию поведения в условиях полилитнической коммуникации.

С точки зрения педагогики образования, формирование полноценной личности основывается на такой организации взаимодействия между преподавателем и обучающимся, в ходе которой обучающиеся начинают осознавать факт многообразия культур, необходимость мирного сосуществования в поликультурной образовательной среде и реализуют приобретенные знания на практике (см.: [Образцов 2021: 224]). О воспитании межкультурной терпимости не случайно говорят в связи с изучением иностранных языков, поскольку освоение чужого языка предполагает в той или иной степени и освоение чужой

культуры, особенно если инофон проживает в стране изучаемого языка. В ходе изучения русского языка и как иностранного, и как родного в школе или вузе преподаватель может способствовать формированию интереса и уважения к иным культурам. Во многом эта задача решается методами лингвокультурологии и страноведения, когда обучающиеся знакомятся с традициями, обычаями, символикой, культурными архетипами страны, народными промыслами и фольклором (см: [Сенаторова 2020: 316–317]). Наряду с этим благоприятную почву для воспитания готовности к межкультурному диалогу создает обращение к древнерусским текстам, в которых отражаются исконные аксиологические установки народа. Все сказанное обуславливает **актуальность** заявленной темы. **Новизна** работы связана с особым подходом к произведению Афанасия Никитина: в статье рассматривается поликультурный и полиязычный характер этого текста как основа для его использования в качестве учебного материала на занятиях в русскоязычной и в иностранной аудиториях.

Наша основная задача – выявить те особенности содержания и языка указанного произведения, которые можно использовать в качестве дидактического материала.

Материалы и методы исследования. В ходе работы были использованы методы наблюдения, исторического комментария, сравнительно-сопоставительного и контекстуального анализа. Источником фактического материала послужил как оригинальный текст «Хожения...», так и перевод Л. С. Семенова с комментариями Я. С. Лурье и Л. С. Семенова¹.

Произведение Афанасия Никитина выбрано не случайно. Повышенный интерес к «Хожению...» в ХХI в. объясняется многими факторами, среди которых можно

¹ См.: «Хождение за три моря» Афанасия Никитина / подгот. текста М. Д. Каган-Тарковской и Я. С. Лурье, пер. Л. С. Семенова, ком. Я. С. Лурье и Л. С. Семенова [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5068> (дата обращения: 14.07.2025).

Оригинальный текст дается в статье в кавычках (без учета использования курсива в источнике), перевод – курсивом без кавычек, перевод иноязычных фрагментов – курсивом с разрядкой (разрядка наша. – Н. П., Г. С.).

отметить оживление политических связей России с Индией и связанную с этим необходимость «активизации российско-индийских культурных отношений» [Чельшев 2021: 34], а также разработку ряда актуальных историко-филологических проблем.

Текст «Хожения за три моря» и исторические события, так или иначе связанные с путешествием Афанасия Никитина, изучены достаточно подробно (см.: [Бобров 2024]). В большой обзорной статье Л. И. Вигериной на основе анализа разноплановых научных трудов XX–XXI вв. в качестве основных направлений филологического исследования «Хожения за три моря» выделены нарратологический, дискурсивный, интертекстуальный, сравнительно-исторический, имагологический аспекты [Вигерина 2024: 24]. Текст «Хожения...» исследовался и как дидактический материал для сравнительно-сопоставительного изучения жанра путешествия на примере путевых заметок Афанасия Никитина и «Записок Исмаила Бекмухamedова о его путешествии в Индию» [Галимуллина 2010]. Справедливо отмечая ряд обстоятельств, затрудняющих восприятие древних литературных текстов современными студентами (сложность языка, удаленность событий и «специфика национального идеала»), А. Ф. Галимуллина тем не менее подчеркивает образовательную ценность этих текстов, дающих «более полное представление о языковом и духовном “фоне” древнерусской и древнетюркской литературы» [Галимуллина 2010: 23–24].

Во всех работах, посвященных «Хожению...», личность повествователя – русского купца Афанасия Никитина – рассматривается через взаимодействие с «чужим», в сфере которого входят и пространство, и люди, и природа, и события, и религия.

Традиционно отмечается характерное для дискурса автора «Хожения...» уважение к традициям, обычаям, мировосприятию других народов, а также «необычная для средних веков веротерпимость» [Лихачев 1987: 280]. Д. Е. Чельшев, характеризуя положение Афанасия Никитина в Индии, делает акцент на драматическом противоречии религиозного и земного, человеческого начала: верность христианской православной вере «выступала в качестве главной преграды, препятствовавшей

его психологической адаптации к окружающей действительности» [Чельшев 2021: 40]. Д. Володихин говорит о наблюдательности Афанасия Никитина, благодаря которой его заметки до сих пор сохраняют историческую ценность, и отмечает, что «предметом исключительного интереса стало вероисповедание индийцев» [Володихин 2004: 42]. В. В. Феррони, проводя параллель между злоключениями Афанасия Никитина и сегодняшними политико-экономическими рисками, сопровождающими сближение разных культур, выделяет в характере Афанасия Никитина практичность, трезвую оценку перспектив торговли с Индией и Китаем [Феррони 2023: 230–231]. Е. А. Торпакова и Е. В. Королева отмечают, что оппозиция «свое–чужое» в «Хожении...» является средством характеристики типичного для того времени русского человека с его склонностью к хандре, тоске по родине, пассивности и фатализму (см.: [Торпакова, Королева 2016: 181–182]). Д. С. Смирнова рассматривает Афанасия Никитина как субъекта межкультурной коммуникации, который воспринимает «чужое» как странное, но не враждебное и постоянно подчеркивает «свой статус одинокого человека, испытывающего самые большие трудности именно с религиозной идентичностью» [Смирнова 2011: 14–15]. Согласно трактовке О. Ю. Осьмухиной, автор-повествователь «Хожения...», оказавшись изолированным в иной культурной среде, надевает на себя речевую и поведенческую маску, которая выступает «не просто как некий “механизм” защиты и мимикрирования в “чужой” среде, но и в качестве самоидентификации собственной личности, личности, воспитанной в христианской парадигме и придерживающейся во всем православия» [Осьмухина 2006: 201].

Итак, в качестве основных черт, характеризующих повествователя «Хожения...», исследователями отмечается религиозность и стремление сохранить православную идентичность, искренний интерес к особенностям чужой культуры и одиночество в чужом пространстве, тоска по родной среде обитания. Эти личностные качества автора «Хожения...» приобретают особую значимость в связи с проблемой межкультурной терпимости.

Выше мы отмечали, что в социолингвистическом дискурсе есть своего рода конкуренция между синонимами *толерантность* и *терпимость*. Объясняя предпочтительность заимствованного слова, нередко ссылаются на то, что значение существительного *терпимость* слишком очевидно для носителей языка выражает негативную оценку объекта терпения. В русской культуре, однако, умение терпеть всегда ценилось: терпение ведет к рефлексии, а рефлексия – к пониманию и смирению собственной гордыни, что очень важно для взаимодействия с «чужим». Примером тому может быть такая историческая личность, как Афанасий Никитин.

Анализ. 1. Полиязычный и поликультурный характер текста «Хожения за три моря». Сам характер путешествия Афанасия Никитина обуславливает отражение в тексте мира разных культур, что в первую очередь связано с его лексическим составом. «Хожение...» насыщено экзотизмами, обозначающими реалии чужой для автора жизни. Таковы, например, номинации социального статуса и занятий людей (*две недели ждал Хасан-бека, послы ширваншаха татарского; правит тут индийский хан; И султан послал десять везиров встретить его; тысяча стражей под начальством куттавала; в одном судне посол Хасан-бек, да тезики*), номинации предметов хозяйства, еды и товаров (*а привозят их все морем в тавах; кони же кормят нофутом, да варят кичирись; идет злой слон, весь в камку наряжен*), номинации мер измерения, денежных единиц (*батман фиников; от Джуннара до Бидара сорок ковов; по кентарю весом; издержал на него шестьдесят восемь футунов; с каждой головы берут по две шешкени для бута, а с коней – по четыре футы; хочешь свои деньги на ветер пустить – дай шесть жителей*).

В «Хожении...» экзотизмы сопряжены с языковыми маркерами русской культуры. В связи с этим следует обратить внимание на топонимы. Текст «Хожения...» изобилует ими, что естественно для жанра путевых заметок. Самыми многочисленными в этой группе являются названия русских и иностранных городов: с одной стороны, *Углич, Кострома, Нижний Новгород, Астрахань* и др., а с другой – *Дербент, Баку, Чапакур, Амоль, Демавенд, Ормуз, Гуджарат*,

Чаул, Умри и др. Названия городов часто употребляются в конструкции с предлогами *из-к, от-до*, например: *А из Джуннара вышли на Успенье и пошли к Бидару; От Чапула до Джуннара двадцать ковов*. Эта группа имен собственных позволяет составить точную траекторию путешествия Афанасия Никитина, придает историческую достоверность его повествованию и одновременно формирует два пространства – «свое», русское, и «чужое», антиподное, путешествие в которое сам автор называет *гръшным*.

Чужой мир осмысливается в «Хожении...» сквозь призму русской культуры, что выражается в форме сопоставления или сравнения. Сопоставление «чужого» и «своего» может осуществляться в «Хожении...» через толкование с опорой на русское языковое понятие, например: *привозят их все морем в тавах – индийских кораблях* (о косях); *Вино у них делают из больших орехов, козы гундустанские называются; И султан послал десять везиров встретить его за десять ковов, а в кове – десять верст; В Гундустанской земле эта ярмарка лучшая, всякий товар продают и покупают в дни памяти шейха Алаеддина, а по-нашему на Покров святой Богородицы*.

Особо выделим следующий фрагмент морского пути Афанасия Никитина: *А на другой месяц увидел горы Эфиопские, и все люди вскричали: «Олло перводигер, олло конькар, бизим бashi мудна насинь больмышти», а по-русски это значит: «Боже, Господи, Боже, Боже вышний, царь небесный, здесь нам судил ты погибнуть!»* Сопрягая в одном контексте иноязычное и русскоязычное возвзвание к Богу о помощи, автор-повествователь тонко дает понять, что люди разной веры едины в своей человеческой слабости и страхе смерти и, в сущности, молятся одному Богу.

Другой способ сопоставления – обозначение «чужой» реалии русским или обрусевшим словом, выражающим национально-специфичное понятие, например: *В Индийской земле княжат все хорасанцы, и бояре все хорасанцы; а княгини ходят – фата через плечо перекинута; а князья да бояре надевают тогда на себя порты, да сорочку, да кафтан, да фата на плечах; ... тут у них все дорого: один я человек, а на харч по два с половиной алтына в день идет*.

Сравнительных конструкций не так много в тексте «Хожения...», но они выполняют важную функцию, выражая идею духовной общности народов разных культур и вероисповеданий. Например, описывая религиозные обряды индусов, автор-повествователь говорит: *А молятся они на восток, как русские; Тут их Иерусалим; что для бесермен Мекка, для русских – Иерусалим, то для индусов Парват.*

Важную роль в формировании поликультурного пространства текста и в само-идентификации автора играют номинации сакральных понятий. Так, при указании на время повествователь использует названия православных праздников, позиционируя при этом себя как православного верующего: *Весна у них началась с Покрова святой Богородицы; А празднуют память шейха Алаеддина и начало весны через две недели после Покрова; Вернулся я в Бидар из Кулонгри на Филиппов пост, а жеребца своего продал на Рождество; И жил я здесь, в Бидаре, до Великого поста и со многими индусами познакомился.*

Текст «Хожения...», с одной стороны, отражает пространство чужих земель и чужой страны, в которой находится автор, а с другой – формирует образ родной автору Руси. Описывая обычай индийцев, Афанасий Никитин подчеркивает то, что коренным образом отличается от привычного ему как представителю русской культуры и, следовательно, вызывает особый интерес. Своеобразным «негативным» отражением специфических черт чужого образа жизни является картина русского бытования. Обратимся для иллюстрации этой мысли к следующему фрагменту:

Индусы же не едят никакого мяса, ни говядины, ни баранины, ни курятины, ни рыбы, ни свинины, хотя свиней у них очень много. Едят же днем два раза, а ночью не едят, и ни вина, ни съты не пьют. А с бесерменами не пьют, не едят. А еда у них плохая. И друг с другом не пьют, не едят, даже с женой. А едят они рис, да кхичри с маслом, да травы разные едят, да варят их с маслом да с молоком, а едят все правой рукой, а левую не берут ничего. Ножки и ложки не знают. А в пути, чтобы кашу варить, каждый носит котелок. А от бесермен отворачиваются: не посмотрел бы кто из них в котелок или на кушанье. А если посмотрит бесерменин, – ту еду не едят. Потому едят, накрывшись платком, чтобы никто не видел.

В подтекстовой информации этого фрагмента – свойственная самому автору русская культура еды, не знающая ограничений в мясной пище, объединяющая всех членов семьи и терпимая к присутствию за столом людей иной веры.

С поликультурным характером текста «Хожения...» тесно связано его полиязычие: древнерусский текст содержит иноязычные вкрапления (чаще всего в них автор описывает детали другого мира, иногда очень деликатные), функции которых интерпретируются по-разному. Например, есть мнение, что Афанасий Никитин использовал «слова, фразы и целые куски на своеобразном тюрко-персидском диалекте» в условиях многолетнего пребывания в чужой языковой среде, когда родной язык и текст молитв просто забывались [Володихин 2004: 42–43]. Д. С. Смирнова, отмечая, что записи молитв и возвываний в «Хожении...» нередко даются на иностранных языках, усматривает в этом некий эффект нарративности: «...автор вкладывает в уста Афанасия Никитина-нarrатора иностранное слово, тем самым наделяя автореферентный акт молитвы событийностью» [Смирнова 2011: 32]. О. В. Родионова видит в использовании «непонятного читателю языка» стремление «лишний раз промаркировать противоположное, антикультурное, антиподное пространство, в котором находится автор» [Родионова 2016: 135].

Все указанные выше соображения не противоречат друг другу, цитируемые авторы справедливо подчеркивают разные аспекты функционирования иноязычных фрагментов в тексте «Хожения...». С нашей точки зрения, иноязычные вкрапления не указывают на религиозное колебание автора-повествователя и не обусловлены забыванием родного языка. Составляя свои записи, Афанасий Никитин постоянно ищет поддержки православной веры и уже в начале текста сообщает, что отправляется в путь, испросив благословения у тверского владыки и игумена калязинского монастыря:

«За молитву святых отец наших, Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя, раба своего гръшного Афонасия Микитина сына. Се написах свое гръшное хожение за три моря: 1-е море Дербенъское, дория Хвалитьска; 2-е море Индейское, доръя Гундустанска; 3-е море Черное, дория Стебольская.

Поидох от Спаса святаго златоверхаго и съ его милостию, от государя своего от великаго князя Михаила Борисовича Тверскаго, и от владыки Генадия Тверскаго, и Бориса Захарьича. И поидох вниз Волгою. И приидох в монастырь Колязин ко святѣй Троицѣ живоначалной и къ святымъ мученикомъ Борису и Глѣбу. И у игумена ся благословив в Макария и у святыя братии.

Наличие в начине текста персидского слова *доръа*, *дорея* 'море' может свидетельствовать о том, что автор текста изначально выбирает для него полиязычную структуру. Эта особенность стиля «Хожения...» отчетливо проявляется в следующем фрагменте:

«И тут есть Индийская страна, и люди ходят вѣнаги, а голова не покрыта, а груди голы, а власы в одну косу заплетены, а вѣнч ходят брюхаты, а дѣти рождаются на всякий год, а детей у них много. А мужики и жонки вѣнаги, а вѣнч черны. Яз куды хожу, ино за мною людей много, да дивуются бѣлому человѣку. А князь ихъ – фота на головѣ, а другая на гузнѣ; а бояре у них – фота на плещѣ, а другаа на гузне, княини ходят фота на плещѣ обогнута, а другаа на гузне. А слуги княжие и боярьские – фота на гузне обогнута, да щит, да меч в руках, а иные с сулицами, а иные с ножи, а иные с саблями, а иные с луки и стрелами; а вѣнаги, да босы, да болкаты, а волосовъ не бреют. А жонки ходят голова не покрыта, а сосцы голы; а паропки да девочки ходят наги до семи лѣт, сором не покрыт».

В цитируемом тексте своеобразно сочетаются слова исконно русского происхождения: *голова* не покрыта, *вѣнч* ходят *брюхаты*, *мужики* и *жонки* *вѣнаги*, *яз* *куды хожу*, *а паропки да девочки*, *а волосовъ* не бреют; старославянские фонетические варианты генетически общеславянских слов: *власы* в одну косу, *фота* на *плещѣ*; заимствования: *фота* (перс.) на *плещѣ*, *а иные с саблями* (турк.).² Возможно, финно-угорск.³

В целом стиль «Хожения...» свидетельствует как об открытости Афанасия Никитина для полизитнической коммуникации, так и о том, что, оставаясь на чужбине

² Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 2. М.: Русский язык, 1999. С. 134.

³ Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка: в 2 т. Т. 2. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1959. С. 243.

представителем другой культуры и веры, он видит и описывает реалии чужого мира с точки зрения русского человека.

2. Языковая и религиозная этичность автора «Хожения за три моря». «Хожение за три моря» представляет собой интереснейший памятник древнерусской литературы, в котором отчетливо представлен народно-литературный тип русского литературного языка эпохи Московской Руси. Текст «Хожения...», по нашему мнению, уникalen в языковом отношении и в связи с тем, что он практически свободен от так называемого второго южнославянского влияния и начавшейся под его воздействием архаизации языка. Именно процесс архаизации и европеизации литературного языка XV–XVI вв., определенное навязывание церковнославянского языка в письменную языковую практику отеснили народно-литературный тип литературного языка на периферию письменного общения. Произведение Афанасия Никитина в этом плане показывает возможности использования письменного древнерусского языка. Полиязычный характер текста при этом не нарушает языковой этичности автора.

Под языковой этичностью мы понимаем внутреннее языковое чутье, или языковой вкус, обусловленный духовной культурой личности. В этом плане интересным оказывается рассказ автора о знакомстве с индусами, отражающий взаимное проявление доверия и доброжелательности:

И жил я здесь, в Бидаре, до Великого поста и со многими индусами познакомился. Открыл им веру свою, сказал, что не бесерменин я, а вѣры Иисусовой христианин, и имя мое Афанасий, а бесерменское имя – ходжа Юсуф Хорасани. И индуы не стали от меня ничего скрывать, ни о еде своей, ни о торговле, ни о молитвах, ни о иных вещах, и жен своих не стали в доме скрывать.

Показательно, что в тексте переход к сообщению о реакции индусов на действительное имя путешествующего и его истинную веру осуществляется с использованием соединительного союза *и*. В данном контексте этот союз выполняет дополнительную функцию усилительно-выделительной частицы, подчеркивая смысл, выражаемый составом сказуемого, – *не стали ничего скрывать*. Дальнейший ряд

однородных членов конкретизирует степень открытости разговаривающих, в оригинале это звучит так:

«...не учили ся от меня крыти ни о чемъ, ни о ѿстѣвѣ, ни о торговле, ни о маназу, ни о иных вѣщах, ни жонъ своих не учили крыти».

Речь идет об обычаях, традициях, вере, женах, что нечасто обсуждается между людьми, принадлежащими к разным этносам, разным культурам и разным вероисповеданиям.

Языковая этичность «Хожения...» проявляется в сдержанности или отсутствии негативных оценок многих чуждых для автора-повествователя реалий, о которых он рассказывает с интересом, но без ярко выраженного удивления – в тексте преобладает тон объективной констатации фактов. Яркая эмоциональная окраска связана исключительно с мыслями о родине:

«А в Севастий губъ да в Гурзыньской землѣ добро обильно всѣм. Да Турская земля обила на вѣлми. Да в Волоской землѣ обильно и дешево все съѣстное. Да и Подольская земля обила на всѣм. А Русь ерь тангрыд сакласын; олло сакла, худо сакла! Бу даниада муну кибить ерь ектуръ; нечичъ Урус ери бегляри акой тугиль: Урусь ерь абодань болсынъ; расть кам дареть. Олло, худо, Богъ, даныры».

(В Сивасской округе и в Грузинской земле все-го в изобилии. И Турецкая земля всем обильна. И Молдавская земля обильна, и дешево там все съѣстное. Да и Подольская земля всем обильна. А Русь Бог да сохранит! Боже, сохрани ее! Господи, храни ее! На этом свете нет страны, подобной ей, хотя эмиры Русской земли несправедливы. Да устроится Русская земля и да будет в ней справедливость! Боже, Боже, Боже, Боже!)

Символично, что об изобилии чужих земель автор пишет, используя родной язык, а выражение любви к родной стране и просьба о Божьей помощи ей «зашифрованы» кодом чужого языка. Вряд ли это можно объяснить простым «забыванием» текста православных молитв, тем более что иноязычная часть не является канонической молитвой. Возможно, автор-повествователь таким образом молит за Русь Бога всех людей.

Афанасий Никитин, как уже было сказано, сохраняет православную веру, хотя

заключительная часть произведения – молитва Афанасия Никитина – написана на смеси русских, арабских и тюркских слов. Именно религиозная изоляция была самым сильным испытанием для путешественника:

«Аз же, рабище Божий Афонасий, сжалился по вѣре крестьянской».

(Я же, рабище Божий Афонасий, исстрадался по вѣре христианской.)

Сравнивая путевые записки православного Афанасия Никитина и мусульманина Исмаила Бекмухamedова, А. Ф. Галимуллина отмечает, что, в отличие от Исмаила, который был своим в далеком от родины мусульманском мире, Афанасию Никитину очень непросто понять и принять чужой мир, и добавляет: «При этом мусульманская вера ему не кажется хуже христианской, поскольку мусульмане поклоняются Богу Отцу и говорят... вѣрем въ Адама...» [Галимуллина 2010: 26]. Соглашаясь с выводами А. Ф. Галимуллиной, мы хотели бы уточнить, что в тексте «Хожения...» нет сравнения и каких-либо оценок религий. Афанасий Никитин принимает многообразие религий и уважает мусульманскую веру (Есть тут одно место – аланд, где шейх Алаеддин, святой, лежит и ярмарка), но вся любовь его обращена к Христу и православной церкви.

Нельзя не согласиться с мнением К. П. Стожко, что «записки А. Н. Никитина – свидетельство гуманистического восприятия русским человеком знаний о новых (восточных) землях, цивилизациях и культурах. Обладая своими языковыми и стилистическими особенностями (их писал не профессиональный литератор, а простой человек), данное сочинение представляет собой первое произведение нового, не агиографического и не паломнического характера, которое можно было бы назвать “путевыми заметками” в жанре “гуманистического оптимизма”» [Стожко 2023: 260].

Этот «гуманистический оптимизм» Афанасия Никитина отчетливо проявляется в заключительной части текста, когда речь идет о возвращении на родину вопреки всем невзгодам, природным препятствиям и благодаря божественному покровителю, чье имя не называется, а обращение к нему написано на нескольких языках:

*Божией милостью дошел я до третьего моря –
Черного, что по-персидски дарья Стамбульская.
С попутным ветром шли морем десять дней
и дошли до Боны, и тут встретил нас сильный
ветер северный и погнал корабль назад к Трабзону.
Из-за ветра сильного, встречного, стояли мы
пятнадцать дней в Платане. Из Платаны выходили
в море дважды, но ветер дул нам навстречу
злой, не давал поморю идти. Боже истинный,
Боже покровитель! Кроме него – иного Бога
не знаю;*

в оригинале:

«Олло акъ, олло худо перводигер! Разве бо
того иного Бога не знаю».

Хотелось бы отметить деталь, отсутствующую в переводе. Обращаясь к истинному Богу, автор дает пояснение, используя старославянский подчинительный союз *ибо* (*бо*): *Ибо кроме него иного Бога не знаю*. Тем самым автор подчеркивает, что в его сознании Бог един для всех и покровительствует всем страждущим.

3. Дидактический и воспитательный потенциал произведения «Хожение за три моря». Текст «Хожения...» обладает несомненным дидактическим потенциалом для изучения русского языка как родного и как иностранного. Поликультурный и полизыческий характер этого текста позволяет использовать его в качестве интегративного материала для решения разных учебных задач. Наш опыт показывает, что «Хожение...» вызывает живой интерес у тюркоязычных обучающихся, поскольку в нем нашли отражение особенности тюркских языков (см. подробнее: [Колесникова, Самойлова 2020]).

Еще до татаро-монгольского нашествия Русь, активно контактируя с половцами, печенегами, кипчаками и другими тюркскими народами, принимала и освещала лексические единицы из их языков. И хотя в этот период заимствования были единичны, они прочно вошли в состав русского языка. Наибольшее количество тюркизмов было заимствовано во время татаро-монгольского ига и в последующий период, они пополнили лексику сферы торговой, хозяйственной и бытовой деятельности человека⁴. «Хожение...» Афана-

сия Никитина ярко демонстрирует проникновение тюркизмов в русскую словесность.

Предложенные тюркоязычным обучающимся задания по выявлению в оригинальных фрагментах текста тюркской лексики и распределению ее по тематическим группам особенно интересны, поскольку на фоне родного для обучающихся языка позволяют увидеть фонетические особенности русского. Например, перечисляя злаки и овощи, выращиваемые в Индии, автор вместо слова *горох* употребляет *ногут*, что дает возможность обсудить славяно-туркские связи и материальную культуру разных народов.

Наличие полногласия *оро* в слове *горох* показывает особый вид исторических чередований современного русского языка – полногласия (собственно древнерусский фонетический вариант) и неполногласия (старославянизм, заимствование из старославянского языка). Анализ соответствующих слов современного русского языка демонстрирует их семантические и стилистические различия, что представляется важным и необходимым аспектом лингвистического комментария для текстов русской классической поэзии XIX в.: *страна – страна, горожанин – гражданин, город – град, голова – глава, берег – брег, молодой – младой*. Интересным, на наш взгляд, является и соответствие топонимов разных славянских народов – *Гороховец* (Россия, восточнославянский вариант) и *Граховец* (Черногория, южнославянский вариант).

При указании на дидактический потенциал «Хожения...» заслуживают внимания части текста, в которых сплетены и органически соединены фрагменты разных языковых систем. Так, в заключительной части текста (возвращение Афанасия Никитина) читаем:

«*А иду я на Русь, кетьмыштыр имень, уручь туттым. Мѣсяцъ март прошел, и яз заговел з бесермены в неделью, да говел есми месяцъ, мяса есми не ел и ничего скормнаго, никакие естбы бесерменские, а ел есми по дважды на день хлеб да воду, авратыйля ятмадым*».

(А иду я на Русь с думой: погибла вера моя, постился я бесерменским постом. Месяц март прошел, начал я пост с бесерменами в воскресенье,

⁴ См.: Головастиков К. Много ли тюркизмов в русском языке? // Информационный портал фонда «Русский мир». 2013. № 10 [Электронный ресурс]. URL: <https://russkiymir.ru/publications/86232/> (дата обращения: 20.07.2025).

постился месяц, ни мяса не ел, ничего скромного, никакой еды бесерменской не принимал, а ел хлеб да воду два раза на дню, с женщиной не ложился я.)

Лингвистический комментарий позволяет установить лексическое многообразие текста, языковые соответствия на разных уровнях. Отметим, что автор «Хожения...» использует не просто отдельные лексемы тюркских языков, но и употребляет соответствующие грамматические конструкции, отражающие агглютинативный характер грамматики тюркских языков: *аврат* (совр. тур. *avrat*) – 'женщина', *авратыйла* (совр. тур. *avrahyla*) – 'с женщиной', *ятмак* (совр. тур. *yatmak*) – 'лежать, ложиться', *ятмадым* (совр. тур. *yatmadim*) – 'не лежал, не ложился'. В то же время во фрагменте представлены древнерусские слова: *яз*, *говел*, *еда*. Заимствования использованы для описания самых деликатных ситуаций, что, как мы отмечали выше, отражает языковую этичность повествователя.

Текст «Хожения...» дает богатый материал для обсуждения на занятиях вопросов грамматики русского языка. Покажем это, обратившись к глагольным формам перфекта, которые особым образом выражают связь прошлого с настоящим, обозначая законченное действие, результат которого сохраняется в момент речи. По данным И. А. Измельцевой, в «Хожении...» формы перфекта (около 250 употреблений) в количественном отношении уравновешены с формами настоящего времени, что позволяет уточнить время составления записок: «...Афанасий Никитин приступает к повествованию в первый год своего путешествия» [Измельцева 2019: 21–22].

Анализ форм перфекта в тексте Афанасия Никитина будет способствовать более глубокому пониманию обучающимися грамматических особенностей современного прошедшего времени. Как известно, перфект являлся аналитической формой, состоящей из вспомогательного глагола *быти* в настоящем времени и формы на *-л*, которая первоначально функционировала как именная часть (причастие) в составе сказуемого. Именно вспомогательный глагол выражал в составе сложной формы значение лица. Утрата вспомогательного глагола наблюдается к концу древнерусского периода (XIV–XV вв.), когда

древнее причастие на *-л* стало использоваться в качестве самостоятельной глагольной формы прошедшего времени. Текст «Хожения...» интересен тем, что демонстрирует особенности «переходного» периода – параллельное использование старого аналитического перфекта с вспомогательным глаголом и нового синтетического перфекта без вспомогательного глагола, например:

«И **приѣхал есми** в Новгород в Нижней к Михайло х Киселеву, к намѣстьнику, и к пошилннику к Івану к Сараеву, и они мя **отпустили** доброволно. А Василий Папин **проѣхал** мимо город двѣ недѣли, и яз **ждал** в Новѣгороде в Нижнем две недѣли посла татарского ширваншина Асанбega а **ѣхал** с кречаты от великого князя Ивана, а кречатов у него девяносто».

Приведенный текст позволяет показать и роль личных местоимений при формировании новых отношений в системе форм прошедшего времени: в функции подлежащего личное местоимение «компенсирует» значение вспомогательного глагола, ср.: «**приѣхал есми**» – «**они мя отпустили**», «**яз ждал**». Таким образом обучающиеся осознают историческую основу грамматической специфики современных глагольных форм прошедшего времен, у которых отсутствует категория лица и сохраняется генетический именной признак рода.

При изучении русского языка как родного и как иностранного уместным представляется лингвокультурологический комментарий, связанный с дорогами для Афанасия Никитина понятиями Русской земли, Руси. Хорошую возможность для этого предоставляет глагол *родиться*, форма которого повторяется в небольшом тексте более 20 раз, например:

А в Шабате родится шелк, да сандал, да жемчуг, – и все дешево;

В Кожикоде родится перец, да мускатный орех, да гвоздика, да плод фуфал, да цветы муската. В Гуджарате родится краска да лак, а в Камбее – сердолик;

У оленей домашних режут пупки – в них мускус родится.

Словообразовательное гнездо слов с этимологическим корнем *-род-* весьма обширно; в него входят, кроме названного глагола, такие слова, как *родник*, *выродок*, *урожай*, *рождатель*, *родственник*, *зародыш*, *уродить*,

урод, порода, родинка, юродивый, народ, природа и многие другие. Большая часть этих лексем в сознании носителей русского языка обладает ценностными характеристиками, служит средством выражения культурных и социальных концептов. Это делает их изучение актуальным и полезным для понимания истории и культуры русского народа, а также для формирования у обучающихся чувства меняющегося языка.

Этимологически корень *-род-* восходит к индоевропейским корням **^hredh-*, **i^hrodh-* со значением 'возрастать, усиливаться, увеличиваться'⁵, а также 'расти, разрастаться, прибывать'⁶. В славянской мифологии его связывают с обозначением древних языческих божеств плодородия (Род и Рожаницы)⁷. И хотя точную этимологию древнейшего корня и его прайформу бесспорно установить не удается, очевидно, что первоначально в нем было заложено значение природного свойства – рождения, урожая и даров природы. Именно это значение этимона становится концептуальным при дальнейшем анализе истории корня *-род-* и слов, для которых он является этимоном. Работа с этимологическими словарями позволит установить исконную смысловую связь современных слов, имеющих различное значение: *родить/родиться – народ – урожай – урод – юродивый; родина – родинка – родник*.

С понятием рода в славянской традиции тесно связано понятие отчества. Отчество в русском языке – обязательный структурный элемент официального имени. Имя тверского купца – *Афанасий Никитин* – представляет собой двучленную структуру, состоящую из имени и патронима (имени по отцу), буквально *Афанасий Никитин сын* (в оригинале «Афонасей Микитин сын»). Именно так он себя называет в начале своих путевых заметок. В реалиях современного восприятия структуры официального имени элемент *Никитин* принято считать фамилией, хотя настоящая фамилия путешественника в индийскую землю неизвестна.

⁵ Преображенский А. Г. Указ. словарь. С. 208–209.

⁶ Черных П. Я. Указ. словарь. С. 118–119.

⁷ Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Советская энциклопедия, 1991. С. 469.

Отчество было весьма значимым элементом официального имени, упоминание отчества в именовании русских князей известно с XI в. В «Слове о полку Игореве» Всеволод, обращаясь к князю Игорю и подчеркивая их родство, напоминает: *Один брат, один свет светлый ты, Игорь, оба мы Святославичи*. В современной России сохранилась традиция обращаться к друзьям или близким знакомым без имени, только по отчеству: *Иваныч, Трофимыч, Петровна, Андреевна*.

Текст «Хожения...» содержит довольно большое количество онимов, в числе которых представлены имена в разных этнических и формальных вариантах. Так, в пределах одного высказывания обнаруживаем разные варианты именования представителей тверских властей:

«Пойдо от Спаса святаго златоверхаго и съ его милостию, от государя своего от великаго князя Михаила Борисовича Тверскаго, и от владыки Генадия Тверскаго, и Бориса Захарыча».

(*Пошел я от Спаса святого златоверхого с его милостию, от государя своего великого князя Михаила Борисовича Тверского, от владыки Генадия Тверского и от Бориса Захарыча.*)

Как видим, здесь упомянуты тверской князь Михаил (представлено отчество на *-ович* для указания на знатного человека), тверской владыка Геннадий (духовные лица всегда назывались только по имени) и тверской воевода Борис (отчество на *-ич* как указание на менее знатного человека). Этот небольшой фрагмент позволяет не только увидеть связь именования человека с его социальным статусом, но и затронуть вопрос появления родового имени – фамилии.

В «Хожении...» есть имена представителей тех народов, с которыми общался автор во время своего пребывания в Индии, например: *Халил-бек, Хасан-бек, шах Хусейн, Асад-хан, шейх Алаеддин*. В иноязычной аудитории можно обсудить особенности и традиции официального именования человека других национальностей и этнических групп, других культур.

Рассмотренные нами аспекты анализа текста «Хожения за три моря» представляются важными как в связи с задачей продвижения русского языка в мире, так и в связи с необходимостью освоения национального

культурного наследия и национальных ценностей, о чем пишет В. В. Николина: «Механизм духовного наследования установок, ценностей, традиций России становится исторической необходимостью, формой развития человека, предотвращающей нарушение социокультурной преемственности» [Николина 2022: 5].

Выводы. Межкультурная терпимость как готовность понимать специфику иной культуры и проявлять к ней интерес была и остается ценным качеством личности. Формирование этого качества является важной задачей образования, в том числе преподавания русского языка как родного и как иностранного. Одним из языковых источников, представляющих богатый материал для работы в этом направлении, является древнерусский памятник «Хожение за три моря» Афанасия Никитина.

В ходе исследования были продемонстрированы те аспекты данного произведения, которые можно использовать для решения образовательных и воспитательных задач. Прежде всего это личность автора-повествователя, раскрывающаяся через его нарратив. Афанасий Никитин, проявляя терпение и стойкость в условиях чужеродной культурной среды, демонстрирует наблюдательность, интерес к особенностям чужого образа жизни, дружелюбие и интуитивное понимание духовной общности разных народов, несмотря на различие их верований.

Стилистическим своеобразием текста «Хожения...» является его полиязычный и поликультурный характер. Мы отметили те языковые особенности, на которые полезно обратить внимание при работе с текстом. Это взаимодействие лексических единиц, обозначающих реалии «своего» и «чужого» мира; сравнительно-сопоставительные конструкции; лексико-семантические группы топонимов и антропонимов; номинации православных праздников как средства исчисления времени; иноязычные вкрапления в древнерусский текст. Все это формирует поликультурное пространство «Хожения...».

Включение текста «Хожения...» в процесс преподавания русского языка будет способствовать совершенствованию лингвокультурной компетенции обучающихся и укреплению исторической памяти молодых носителей русского языка. На занятиях целесообразно организовать наблюдение

за языковым многообразием текста, в котором представлены особенности как индоевропейских, так и тюркских языков. Большие возможности для формирования и углубления страноведческой и лингвокультурной компетенций обучающихся предоставляет работа с ономастической лексикой «Хожения...».

Учитывая современное состояние изучения и продвижения русского языка в мире, тенденцию к сближению России со странами Ближнего Востока, Индией, Китаем, можем утверждать, что сочинение Афанасия Никитина является актуальным и восребованым как в плане его межкультурной гуманитарной направленности, так и в плане особой языковой структуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобров А. Г. Новейшие исследования «Хожения за три моря» Афанасия Никитина // Русская литература. 2024. № 2. С. 241–254. <https://doi.org/10.31860/0131-6095-2024-2-241-254>.
2. Вигерина Л. И. Изучение «Хожения за три моря» Афанасия Никитина в российской филологической науке XXI века // Art Logos (искусство слова). 2024. № 4. С. 10–28. http://doi.org/10.35231/25419803_2024_4_10.
3. Володихин Д. Рабище божий Афанасий. Из Твери в Индию // Родина. 2004. № 3. С. 40–43.
4. Галимуллина А. Ф. Педагогические условия формирования представлений о традициях жанра «хождение» у студентов национальных отделений педагогических вузов // Казанский педагогический журнал. 2010. № 5–6. С. 23–28.
5. Зайцева Т. И. Межкультурная и социальная коммуникация: толерантность или любовь? // Идеи и идеалы. 2022. Т. 14, № 1, ч. 2. С. 332–346. <http://doi.org/10.17212/20750862-2022-14.1.2-332-346>.
6. Измельцева И. А. Отражение временных форм в «Хожении за три моря» Афанасия Никитина // Текст: филологический, социокультурный, региональный и методический аспекты: сб. материалов VI Международной научной конференции / под ред. Г. Н. Тарановой, И. А. Измельцовой. Тольятти: Тольяттинский гос. ун-т, 2019. С. 17–24.
7. Колесникова А. И., Самойлова Г. С. Изучение истории русского языка в тюркоязычной аудитории (на материале «Хожения за три моря» Афанасия Никитина) // Образование на русском языке: проблемы, поиски, перспективы: сб. статей по материалам Международной

- научно-практической конференции. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского гос. пед. ун-та им. Козьмы Минина, 2020. С. 181–184.
8. Лихачев Д. С. Избранные работы: в 3 т. Т. 2: Великое наследие. Смех в Древней Руси. Заметки о русском. Л.: Художественная литература, 1987. 496 с.
9. Николина В. В. Отечественное духовное наследие как условие воспитания у детей и молодежи ценностного видения мира // Нижегородское образование. 2022. № 3(1). С. 4–15.
10. Образцов П. И., Марченко Е. Ю. Технология формирования межкультурной толерантности будущих учителей на занятиях по иностранному языку в организациях СПО // Ученые записки Орловского гос. ун-та. 2021. № 1(90). С. 223–229.
11. Осьмухина О. Ю. Авторская маска как способ самоидентификации реальной личности в «Хожении за три моря» Афанасия Никитина // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2006. № 8. С. 199–204.
12. Родионова О. В. Свой среди чужих // Вестник Московского гос. лингвистического ун-та. 2016. Вып. 1(762). С. 117–136.
13. Сенаторова О. А. Учебно-практическое пособие по лингвокультурологии для иностранцев, изучающих русский язык: концепция и содержание // Русистика. 2020. Т. 18, № 3. С. 315–327. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2020-18-3-315-327>.
14. Смирнова Д. С. Категория событийности в биографическом нарративе (на материале «Хожения за три моря» Афанасия Никитина) // Вестник университета Российской академии образования. 2011. № 1. С. 30–36.
15. Стожко К. П. А. Н. Никитин: гуманистическое восприятие мира // Аксиология русского гуманизма: История. Философия. Культура. Экономика. Право: сб. научных статей. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2023. С. 260–266.
16. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. М.: Изд-во Московского ун-та, 2008. 350 с.
17. Торнакова Е. А., Королева Т. В. Оппозиция «свое» – «чужое» в «Хожении за три моря» Афанасия Никитина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2016. № 1–5. С. 180–184.
18. Феррони В. В. Прошлое предупреждает: экономические риски и культурные шоки русского купца Афанасия Никитина // Вызовы и решения для бизнеса: синергия компетенций: сб. материалов IV Международного внешнеэкономического научно-практического форума. М.: Изд-во Российского экономического ун-та им. Г. В. Плеханова, 2023. С. 229–233.
19. Чельышев Д. Е. Афанасий Никитин в Индии: историческая ретроспектива легендарного путешествия // Наследие веков. 2021. № 1(25). С. 33–54. <https://doi.org/10.36343/SB.2021.25.1.002>.

REFENCES

1. Bobrov A. G. The latest research on Afanasy Nikitin's "A Journey beyond the Three Seas". *Russkaya literatura = Russian Literature*. 2024;(2):241–254. (In Russ.) <https://doi.org/10.31860/0131-6095-2024-2-241-254>.
2. Vigerina L. I. Study of Afanasy Nikitin's "A Journey beyond the Three Seas" in Russian Philology of the 21st century. *Art Logos = The Art of Word*. 2024;(4):10–28. (In Russ.) https://doi.org/10.35231/25419803_2024_4_10.
3. Volodikhin D. God's servant Afanasy. From Tver to India. *Rodina = Homeland*. 2004;(3):40–43. (In Russ.)
4. Galimullina A. F. Pedagogical conditions for the formation of ideas about the traditions of the genre "walking" among students of national departments of pedagogical universities. *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal = Kazan pedagogical journal*. 2010;(5–6):23–28. (In Russ.)
5. Zaytseva T. Intercultural and Social Communication: Tolerance or Love? *Idei i idealy = Ideas and Ideals*. 2022;14(1–2):332–346. (In Russ.) <https://10.17212/2075-0862-2022-14.1.2-332-346>.
6. Izmestjeva I. A. A reflection of the tense forms in "Journey Beyond Three Seas" of Athanasius Nikitin. *Tekst: filologicheskii, sotsiokulturnyi, regionalnyi i metodicheskii aspekty: sb. materialov VI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii / pod red. G. N. Tarasovoi, I. A. Izmestjevoi = Text: philological, socio-cultural, regional and methodological aspects: collection of materials of the VI International scientific conference / G. N. Tarasova, I. A. Izmestjeva (eds.)*. Tolyatti: Tolyatti State University, 2019. P. 17–24. (In Russ.)
7. Kolesnikova A. I., Samoilova G. S. Study of the history of the Russian Language in the Turkish-speaking audience (on the material of "Walking for Three Seas" Afanasiy Nikitin). *Obrazovanie na russkom yazyke: problemy, poiski, perspektivy: sb. statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Education in Russian: problems, searches, prospects: collection of articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference*. Nizhny Novgorod: Publishing House of the Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin, 2020. P. 181–184. (In Russ.)

8. Likhachev D. S. Selected works: in 3 vols. Vol. 2: The Great Heritage; Laughter in Ancient Rus; Notes on the Russian. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1987. 496 p. (In Russ.)
9. Nikolina V. V. Domestic spiritual heritage as a condition for educating children and young people in a value-based vision of the world. *Nizhegorodskoe obrazovanie = Nizhny Novgorod education*. 2022;3(1):4–15. (In Russ.)
10. Obraztsov P. I., Marchenko E. Yu. Technology of the formation of intercultural tolerance among future teachers in foreign language classes in secondary vocational organizations. *Uchenye zapiski Oryol'skogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific notes of the Oryol State University*. 2021;(90):223–229. (In Russ.)
11. Osmukhina O. Yu. Author's mask as a way of self-identification of a real person in Afanasy Nikitin's "Journey Beyond Three Seas". *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsialnye nauki = Bulletin of the Pomor University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2006;(8):199–204. (In Russ.)
12. Rodionova O. V. One of Our Own Among Strangers. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta = Bulletin of the Moscow State Linguistic University*. 2016;1(762):117–136. (In Russ.)
13. Senatorova O. A. Educational and practical manual on linguacultural studies for foreigners studying Russian: concept and content. *Rusistika = Russian Language Studies*. 2020;18(3):315–327. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2020-18-3-315-327>.
14. Smirnova D. S. The category of eventfulness in biographical narrative (based on Afanasy Nikitin's "Journey Beyond Three Seas"). *Vestnik Chelyshev D. E. Afanasy Nikitin in India: a historical retrospective of the legendary journey. Nasledie vekov = Heritage of the Centuries*. 2021;1(25):33–54. (In Russ.) <https://doi.org/10.36343/SB.2021.25.1.002>.
15. Stozhko K. P. A. N. Nikitin: humanistic perception of the world. *Aksiologiya russkogo gumanizma: Istoryya. Filosofiya. Kultura. Ehkonomika. Pravo: sb. nauchnykh statei = Axiology of Russian humanism: History. Philosophy. Culture. Economics. Law: collection of scientific articles*. Ekaterinburg: Publishing house of the UPI UMC, 2023. P. 260–266. (In Russ.)
16. Ter-Minasova S. G. Language and intercultural communication: textbook allowance. Moscow: Moscow University Publishing House, 2008. 350 p.
17. Torpakova E. A., Koroleva T. V. Opposition "one's own" – "another's" in Afanasy Nikitin's "Journey Beyond Three Seas". *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2016;(1–5):180–184. (In Russ.)
18. Ferroni V. V. The past warns: economic risks and cultural shocks of the Russian merchant Afanasy Nikitin. *Vyzovy i resheniya dlya biznesa: sinergiya kompetentsii: sb. materialov IV Mezhdunarodnogo vnesheekonomiceskogo nauchno-prakticheskogo foruma = Challenges and Solutions for Business: Synergy of Competencies: Collection of Materials of the IV International Foreign Economic Scientific and Practical Forum*. Moscow: Publishing House of the Plekhanov Russian University of Economics, 2023. P. 229–233. (In Russ.)
19. Chelyshev D. E. Afanasy Nikitin in India: a historical retrospective of the legendary journey. *Nasledie vekov = Heritage of the Centuries*. 2021;1(25):33–54. (In Russ.) <https://doi.org/10.36343/SB.2021.25.1.002>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Наталья Евгеньевна Петрова, доктор филологических наук, доцент, профессор

Natalia E. Petrova, Doctor of Sciences (Philology), Assistant professor, Professor

Галина Савельевна Самойлова, кандидат филологических наук, доцент, профессор

Galina S. Samoilova, Candidate of Sciences (Philology), Assistant professor, Professor

Статья поступила в редакцию 04.08.2025; одобрена после рецензирования 20.08.2025; принята к публикации 25.09.2025.

The article was submitted 04.08.2025; approved after reviewing 20.08.2025; accepted for publication 25.09.2025.